

Л.П. Дронова

Общеотрицательная оценка в зеркале языка
(лингвокогнитивный аспект)

Язык, как известно, является универсальным средством обобщения и дискретизации знаний о реальной и воображаемой действительности в соответствии с основными доминантами определенной культуры. К лексике, непосредственно связанной с социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями социума, отображающей в своей исторической динамике изменение определенных компонентов картины мира и показывающей при этом, как меняются приоритеты и основные ценностные установки общества на том или ином этапе своего развития, – к такой лексике относится прежде всего адекативная лексика. В семантической сфере адекативов фиксируются основные аспекты взаимоотношения человека с миром – онтологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический. Аксиологический аспект этого отношения в максимально обобщенном виде представлен в семантике общеоценочных прилагательных. Мы уже обращались к анализу прилагательных общей положительной оценки на материале русского и древнерусского языка. Речь шла об архаичных в современном литературном языке, но употребляемых в говорах и известных в других славянских языках обозначениях общей положительной оценки – *добрый, лепный, ладный, гожий*, демонстрирующих антропоцентрический характер формирования соответствующего понятия: ‘годный’, ‘подходящий’, ‘удобный (для человека)’ → ‘хороший’. Наряду с общеоценочным значением эти слова сохраняют частнооценочные и более конкретные значения, определяемые ясной внутренней формой. Этот ряд слов в общеоценочном значении был заменен в языке лексемой *хороший* (с XIII-XIV в.), имеющей южнорусский исходный ареал распространения и неясное происхождение (иранское?) [Дронова, 2002].

Как оказалось, выводы относительно этой лексики (хронология, ареал распространения) определенным образом коррелируют с наблюдениями над лексической группой с общеотрицательным значением в русском языке и его говорах: *плохой* появляется в памятниках письменности только с XV-XVI в. (плохъ, плохо, сплеховати, оплосать). В значении отрицательной оценки *плохой* известен практически только в русском языке (если не считать частнооценочного отрицательного значения у блр. *плохі* ‘болезненный, плохой’, ст.-слав. *плахий* ‘заблуждающийся’). Судя по лексикографическим данным, в южнославянских языках эта лексема не представлена, в украинском и западнославянских у нее другое значение: укр. *плохий* ‘смирный, тихий, кроткий’, польск. *plochy* ‘робкий, боязливый’ и ‘легкомысленный, ветреный, опрометчивый’, в.-луж. *plošuc* ‘пугать’, *plošak* ‘пугало, чучело’, н.-луж. *plošidlo* ‘тж.’, *plošus* (se) ‘пугать’, чеш. *plochy* ‘плоский, ровный’. Слово *плохой* в этимологическом отношении неясное. Есть две версии. В рамках первой версии предполагается либо связь с диал. *полóх* (сев., вост.) ‘тревога’, *полóхало* ‘пугало, чучело на огороде’, *полóхать*, *полóшить* ‘волновать, тревожить, пугать’ ([Даль III, 241-242]; диал. пск. *плошить* ‘считать плохим, ругать’, *полóхала* ‘бранное о женщине, пугало, растрепанье’, ср. также выше лужицкие при-

меры), либо поздняя контаминация *полох* и *плохой*. Второе предположение исходит из связи *плохой* и *плоский* (ср. чеш. *plochy* ‘плоский’; *плоский* < слав. **plak-sk-* < и.-е. **pla-k-*: **ple-k-*: **plo-k-*: ‘широкий, плоский’, при этом родственное лат. *placidus* означает ‘плоский’ и ‘тихий, спокойный (о море)’ [Pokorny I, 831; Черных II, 43]. Ко второй версии можно добавить типологически подобное нем. *schlecht* (< герм. **slihta* ‘гладкий, ровный’), отмеченное в значении ‘плохой’ лишь с XV в. [Kluge, *schlecht*]. В русском языке *плохой*, являющееся, видимо, поздним переосмыслением вытеснило прежде употреблявшиеся в значении общеотрицательной оценки *худой* / *худо*, *злой* / *зло*, *лихой* / *лихо* и, вероятно, некоторые другие синонимы.

Худой, *злой*, *лихой* относятся к общеславянскому слою лексики, известны практически всем славянским языкам и представлены в старославянских и древнерусских текстах. *Худой* (др.рус. *худь*, *худый*) – многозначное в древнерусском языке слово: 1. плохой, дурной, 2. слабый, некрепкий, непрочный, 3. малый, скудный, незначительный, 4. бедный, 5. невзрачный, жалкий [Срезневский III, 1414, 1417-1420] при ст.-слав. *х о у д ъ* как эквиваленте *ψρός*, ‘мелкий, ничтожный, скудный’, худыни ‘слабость’, худость ‘слабость, худое состояние, невзрачность’ (XI в.), худити ‘охуждать, осуждать’ (XII в.), ‘уменьшать, ослаблять’ (XI в.). Подобное видим и в других славянских языках: укр. *худий* ‘худой, тощий’, ‘худой, дурной’, диал. ‘плохой’, чеш. ‘бедный, неимущий, худой, тощий, плохой, скверный’ и т.п. В этимологическом словаре славянских языков как наиболее вероятная оценивается реконструкция исходной для *худой* формы **ksoudo-* и сближение с др.инд. *kṣodati* ‘толочь, дробить’, *ḷudra* – ‘маленький, мелкий’ (Потебня, Педерсен) или с др.инд. *kṣudhyati* ‘ощущает голод, голодает’ и *ḷudha* ‘голод’ (Machek, Maughofer; см. [ЭССЯ 7, 111-113]). Старшее значение, в таком случае, логично предположить как ‘тощий’ (‘тощий’ либо из ‘малый, незначительный’, либо из ‘голодающий, худой’), отсюда значение ‘слабый’, затем ‘плохой’ (вряд ли ‘слабый’ → ‘тощий’ → ‘плохой’, см. [Черных II, 359-360]). Круг родственной лексики слова *худой* может быть расширен за счет лит. *skaudūs* ‘болезненный’, *skurdūs* ‘скудный, бедный, убогий’, *skurdas* ‘скудость’, если допустить и.-е. **ksoudo-* > балт. **skauda-* [ЭССЯ, 7, 112]. Что также проблематично. Впрочем, несмотря на сложность сближения и формально-семантической реконструкции на уровне праславянского / индоевропейского, развитие общеоценочного значения ‘плохой’ из ‘(физически) слабый, болезненный’ (< ‘тощий, худой’) обнаруживается уже на уровне общеславянского.

Злой известно всем славянским языкам в значении ‘недоброжелательный, проныкнутый враждой, ненавистный’ и ‘плохой’, в др.рус. текстах – с XI в. – зльь, зльый ‘дурной, плохой, злой, низкий’, зьло ‘беда, грех’, зьлоба ‘порок, грех, зло, вражда’. Эта общеславянская лексема имеет бесспорные родственные связи в значительном числе и.-е. языков (индоиранские, греческий, латинский, балтийские). Родственные лексемы в этих языках обозначают конкретный физический признак – кривой, изогнутый – и имеют как вторичное значение ‘ложный, обманный, несправедливый’ (литов. *ižulnūs* ‘косой’, *ižulūs* ‘наглый, дерзкий’, лат. *fallo*, *falsum*, -ege ‘обманывать’, авест. *zūrah-* ‘неправда, обман’, осет. *зул* ‘кривой’, *зэр* – зэр ‘плохой’ и др. < и.-е. **ǵhuel-* < **ǵheu-* ‘косой, schief’; [Pokorny I 489 – 490; Абаев I, 211]). Следует отметить, что общеоценочное значение ‘плохой’ представлено только в осетинском и славянском языках, причем в осетинском языке однокорневые слова реализуют весь спектр значений – ‘кривой’, ‘злой’, ‘плохой’, а в славянских языках представлены только вторичные значения – ‘злой’, ‘плохой’. Кроме того, русские говоры отражают трансформацию оценочного значения до противоположного – ‘умный, хитрый, сведущий’, ‘очень хороший’ («Она была зла-догадлива», Ворон., Нижегород., «У ей такая память злая», Арх.). Хотя уже и в др.рус. языке встречается «неожиданность» в семантике этого слова и его произ-

водных: зыбоба в значении ‘порок, лукавство, грех, зло, беда’ и ‘забота, попечение’ (XII в.). Вероятно, это связано с тем, что *злой* в русском языке на определенном этапе своего развития утратило значение ‘дурной, плохой’ и семантика сместила на обозначение сильной степени негативных эмоций, чувств, отсюда значение ‘обладающий каким-л. свойством в сильной степени’ («Я дюже зла забывает» Пск.), ‘сильно любящий что-л.’ («Ах, я зла до молока», Пск., Смол.).

Еще отчетливее энантиосемия проявилась у другого обозначения отрицательной общеоценочности, употребляющегося активно в просторечии и диалектах: *лихо* ‘тяжело, плохо, больно’, ‘противно, неприятно’, ‘злобно, недобро’, ‘ненастно’ (Волог., Костр., Яросл., Влад., Смол., Вят., Перм. и др.) и ‘хорошо, славно’ (Волог.), ‘превосходно, прекрасно’ (Пск., Яросл., Влад., Вят., Перм. и др.), *лихач* ‘бойкий, проворный человек’ (Тамб.) и ‘нечистая сила, черт’ (Смол.). Но здесь это объясняется, видимо, не только возникновением промежуточного значения ‘сильно, очень, весьма’ и ‘быстро, живо, страстно’ (как в предыдущем случае), но и генетически обусловлено: о.слав. *lǫxъ – продолжение и.-е. основы *leikw-s-o (ks > ch) <и.-е. *leikw- ‘оставлять, переставать’ (ср. также рефлекс этой и.-е. основы – др.-рус. отгльѣкъ ‘остаток’, рус. *лишний, лихва, лишай, лишь*). А лишнее, чрезмерное, как известно, может оцениваться и как хорошее и как плохое явление в разных ситуациях (ср. др.-рус. *лихо* ‘много, слишком’, ‘худое’, ‘отважно’, *лихоимъ* ‘обилующий, богатый’ и *лихоимъць* = *мъздоимъць, лихновица* ‘превосходство, преимущество’ и ‘распутство’, *лиховати* ‘обижать’ и ‘давать в рост’). В современных славянских языках реализуется практически весь спектр значений: в украинском и белорусском это прилагательное употребляется только в отрицательном смысле, в болгарском *лих* – ‘лихой, молодецкий, своенравный, коварный, лукавый’, в сербохорватском, словенском, чешском, словацком в значении ‘непарный, нечетный’, в польском – *lichu* ‘бедный, убогий, жалкий’, *licho* ‘беда, зло’ и ‘нечет’.

А вот условия возникновения энантиосемии (если только это не омонимия) еще в одном слове с интересующей нас семантикой не ясны. Речь идет о слове *благой*, широко известном в славянских языках в значении ‘добрый, хороший, милостивый, кроткий’. В говорах русского языка (иногда в одних и тех же) оно употребляется с противоположными значениями: то ‘хороший, добрый’ (Пск., Олон., Ворон., Перм.), то ‘дурной, плохой, вздорный, своенравный’ (Пск., Ряз., Калуж., Перм.), ср. еще производные *блажной, блажь, блажить* (ср. *благой* характер ‘злой, раздражительный’, *благой* умом ‘взбалмошный’). В Даль [I, 79] отмечает, что «благой выражает два противоположных качества». В русском языке *благой* – заимствование из церковнославянского, собственно русское *болого* ‘благо, хорошо’, *болозе* ‘хорошо’, практически в др.-рус. текстах не встречается. Отрицательная коннотация у этого слова только в восточнославянских языках (укр. *благий* ‘благой’ и ‘плохой, слабый’, блр. *благі* ‘плохой’ и ‘миловидный’) [Срезневский I 90, 109–111; СРНГ 2, 306; ЭССЯ 2, 173; Фасмер I, 171; Черных I, 92]. М. Фасмер присоединяется к мнению тех, кто считает, что отрицательное значение возникло в порядке описательного табуистического употребления [Фасмер I, 171]. В этом случае примерно такая же история наблюдается во французском: фр. *chrétien* из лат. *christianus* и его диалектный вариант *cretin*, известный с XVIII в. в значении ‘безгрешный, невинный, блаженный, юродивый’ [Rey, Chantreau, 242]. В [ЭССЯ, 2, 173] эта проблема не рассматривается. Картину усложняет наличие литов. *blāgnas* ‘неподходящий, плохой, злой’, *blagniskai* ‘неподходящий’, *blāgnytis* ‘протрезвляться’ (как ‘выходить из плохого состояния’), ‘проснуться’ (о погоде), при том что есть и заимствованное из вост.-слав. языков – литов. *blōgas* ‘плохой, бессильный, слабый’, лтш. *blāgs* ‘слабый’. Сопоставляя литов. *blāgnas* с рус. диал. *блажной* <*blāgino-), Э. Френкель разводит *благой* ‘хороший, добрый’ и *благой* ‘дурной, плохой’ («Russ. blagoj etc. haben daher nichts

gemeinsam mit abg. *blagъ* ‘gut’» [Fraenkel I, 45-46]). В. Шмальштиг в рецензии на словарь Э. Френкеля писал: «В ряде случаев Френкель связывает славянские и балтийские слова как родственные, хотя разумнее было бы предполагать славянские заимствования. Так, литов. *blagnas* связывается генетически с рус. *благой*, на основании чего русское слово объявляется не имеющим ничего общего со ст.-слав. *blagъ* ‘gut’, польск. *blogi* ‘glücklich’. Этот разрыв не может оправдываться семантическими расхождениями» [Word, 12, №2, 1956, 333-334]. В недавней работе по балто-славянским лексическим связям А.Е. Аникина при оценке *благой* ‘плохой, недобрый, негодный’ отмечается, что реконструкция и этимология этой лексемы проблематичны и не исключено тождество с **bolgъ* ‘добрый, хороший’ [Аникин, 1998, с.55]. Происхождение и этимологические связи слав. **bolgъ*, **bolgo* точно не установлены (ЭССЯ 3, 173), обычно сопоставляют с др.инд. *bhargas* ‘блеск’, авест. *bṛdṛg-* ‘ритуал, обычай’, *bṛdṛjayeiti* ‘приветствует, воздает почести, поклоняется’, *bṛdṛxḁa-* ‘желанный, дорогой, ценный’ и т. п. < и.-е. **bhelg-* ‘блестеть, сиять’ [Berneker I, 69; Фасмер I, 188; Черных I, 92].

В лексическую группу с общим значением ‘плохой’ следует включить, вероятно, и рус. диал. *лоший* ‘дурной, плохой’ (Костр.). О.Н. Трубачев реконструирует праславянскую форму **lošьjъ*, так как есть основания предполагать, что это прилагательное, известное по словарям с 1852 г., имело более широкий ареал распространения: во-первых, потому что генетически близкие лексемы представлены в других диалектах (*лошья ножска* ‘мох’ [Новг.], *лашея* [Арх.] ‘мифологическое существо женского пола, олицетворяющее лихорадку’, *лошить* ‘стараться изо всех сил внезапно схватить, ударить’ [СРНГ, 16, 299; 17, 168; ЭССЯ, 16, 92-93], во-вторых, вероятна связь с топонимом Лоша – название притоков Десны, Припяти, Сожа и др. в бывшей Московской, Новгородской, Черниговской. Минской губерниях [Фасмер II, 526] и, в-третьих, – распространенность этого слова в южнославянских языках в том же значении, что и костр. *лоший* – ‘дурной, плохой’ (прицслав. *лошь* ‘худой, тощий’): болг. (Геров) *лоший* ‘плохой, дурной, злой’, *лош* ‘злой, недобрый, мстительный, недоброкачественный, непригодный, испорченный, противный; дождливо, холодно или вообще неприятно (о погоде), тяжелая, опасная (о болезни), (БТР, Младенов и др.) *лошу* м’асту ‘труднопроходимое место, где, по поверьям, бродят злые духи’, макед. *лош* ‘плохой, дурной, злой’, *лоши* се ‘портиться, становиться злым, плохим’, *лошина* ‘зло, злость’, с.-хорв. *loš* (лош) ‘несчастный, плохой, дурной, негодный, плохой (о здоровье), слабый’ (антоним слова *dobar*, но не в моральном смысле), *lohav* ‘слабый’ *zilo* ‘заболеть’, *лоше* време ‘ненастная погода’, *лош* пут ‘сельская дорога, очень грязная во время дождя’, словен. *lošen* ‘плохой’, с.-хорв. *lošiti* ‘становиться плохим, худеть’ (он је лоше (рђаво) расположен ‘у него плохое настроение’, болг. *лоши* ми се ‘мне плохо, дурно’ и др.). Примеры показывают, что ‘плохой’ обобщает частнооценочные отрицательные значения, такие, как ‘худой, тощий, слабый, непригодный, испорченный’. Точнее исходное значение трудно определить из-за неясности генетических связей слав. **lošьjъ* [ЭССЯ, 16, 94], хотя традиционно привлекаемая для сравнения как родственная лексика имеет исходное значение ‘слабый’ (гот. *lasiws* ‘слабый’, ср.-в.-нем. *er-leswen* ‘слабость’, др.-англ. *leswe* ‘слабый, сердитый, дурной, плохой’, др.-ирл. *lasenn*, тохар. *lyäsk* ‘мягкий’ [Pokorny I 680; Berneker I 734; Skok II 319], что хорошо согласуется с известной оппозицией понятий ‘сильный’ / ‘хороший’ – ‘слабый’ / ‘плохой’. Тем не менее Х. Станг считает это сопоставление ненадежным, семантически не обоснованным [Stang, 34]. Другие этимологические версии предполагают близость славянского материала фактам древнегреческого и кельтских языков или особую балто-славянскую изоглоссу, разделяя соответственно южнославянский ареал и северновеликорусский, но при этом семантическая реконструкция, тип мотивационных связей тот же: ‘кривой’, / ‘худой’, / ‘слабый’ → ‘плохой’ [ЭССЯ, 16, 91-94; Фасмер II, 526].

На периферии рассматриваемой лексической группы следует отметить такие лексемы, как *лютый*, *люто* и *дурной*, *дурно*. *Лютый* известно всем славянским языкам в основном значении ‘жестокий, свирепый, сердитый’. В ранних древнерусских текстах это слово встречается и в общеотрицательном значении: *люто есть* ‘худо, тяжело’ (XII в.), *лютый* ‘плохой, дурной’ (1076 г.), *лють* ‘зло, бедствие’, *лють!* ‘горе!’, *лютость* ‘жестокость, свирепость, ярость’ (1076 г.), ‘плохое, неподходящее качество’ (XVI в. ~ XI в.). Это общеславянское слово сближается с кельт. (кимр.) *luid* (<*luto-) ‘гнев, ярость’ и тохар. *lyutar* (суф.срав.степ.) ‘очень, чрезмерно’. Тохарский пример можно сравнить с др.рус. *лютый* в значении ‘сильный, чрезмерный’ (1074 г.) и *лютость* ‘большая степень, интенсивность проявления чего-л.’ (XIV в.): изоглосса интересна в плане древних славяно-кельтских славяно-тохарских отношений (Лер-Сплавинский в данном случае предполагает славянское заимствование из кельтских языков; Фасмер II 547; В I 760; Pokorny I 691; Verneker I 760).

Дурной – по отношению к человеку – отрицательное частнооценочное значение (‘глупый, вздорный, сумасбродный’), при отнесении этого слова как определения к предметам, явлениям у него появляется общеоценочное значение ‘плохой’ (дурное время = плохое время). В древнерусских текстах эта лексема отмечается лишь с XVI в.: *дурной* ‘негодный, плохого качества’, *дурно* ‘все дурное, плохое’, ‘зло, вред’ (ср. также с-хорв. *дуран*, *дурни*, -а, -о ‘злой, сердитый, хмурый’, *дурити* ‘сердиться’, чеш. (редкое) *duhny* ‘глупый’, словц. *durit* sa ‘пугаться, сердиться’). Общеславянское *dur-n-* связывают с *du-ti* ‘дуть’ (ср. прост. *дутся* ‘сердиться’, диал. ‘пыжиться’, *дутик* ‘спесивый, надменный человек’; [Verneker I 239; Черных II 275]). В таком случае это собственно славянское образование, но настораживает поздняя письменная фиксация – с XVI в. Хотя типологически подобное видим в германских языках: нем. *böse* ‘злой, сердитый, плохой’ и др. < и.-е. *bhu-: *bheu-- ‘надувать, пухнуть’ [Kluge, s. böse].

Итак, что показал историко-этимологический анализ? Как отразилась эволюция системы ценностей через историю понятия «плохой»? Мы видим, что был целый ряд попыток общеславянского уровня выразить общую отрицательную оценку (*худъ, *зълъ, *lixъ, *lъjъ, *l’уть, ?, *bolъ, ?*durn-). Ко времени начала славянской письменности, к X-XI в., в сознании древнерусского человека оппозиция хороший – плохой была представлена противочленами добрый – злой (добро – зло). Это установилось в той историко-культурной ситуации, где центральными, идееформирующими и в борьбе повсеместно утверждаемыми были постулаты новой единой веры – христианства.

Почему именно лексема *злой / зло* смогла взять на себя обобщающую функцию и стать противочленом в основной оппозиции хороший – плохой? Видимо, потому, что общеслав. *lixъ исходной семантикой ‘лишний’, ‘нечетный’ оказалось связанным с языческой символикой (‘нечетный’, как и ‘левый’, соотносится с понятием ‘плохой’, ‘плохое предзнаменование’). Общеславянское *l’уть, исходно связанное с понятием ‘гнева, ярости’, не подошло для обобщения представления о плохом, недобром. Более древний вариант оппозиции хороший – плохой, где ‘плохой’ представлено как ‘слабый’ выразило общеслав. *худъ- (‘худой, тощий’ → ‘слабый’ → ‘плохой’) и, вероятно, *lъjъ¹. Из всех лексем, употреблявшихся в общем значении ‘плохой’, лишь *злой / зло* оказалось созвучно времени. Причин этому видится две. И они альтернативны. Либо в сознании древних славян сохранялась связь этого слова с понятием ‘ложный, обманной’ (< ‘кривой’), и это

¹ Впрочем этот же уровень осмысления того, что такое хорошо, и что такое плохо, представлен и во втором противочлене – добрый (*добрый* исходно как ‘способный, годный’, ‘сильный’, ср. добрый молодец). Только слово добрый было переосмыслено и вошло в выражения христианских ценностей.

сформировало оппозицию понятия ‘добрый’ как ‘хороший’ / ‘подходящий’, ‘истинный’, ‘настоящий’ и ‘злой’ как ‘плохой’ / ‘ложный’ (ср. в украинском языке синонимический ряд *злий, поганий, слабый*, где *поганий* первоначально ‘неверный, иноверец’, ‘не-христианин’). Но известно ли было *зълъ в праславянском в исходном значении ‘кривой’ > ‘ложный, обманный’ или только во вторичном – ‘злой, плохой’? Предположить, что *зълъ- известно было в прямом и переносном значении, можно только по косвенным данным, по наличию однокорневых слов с тем же значением в соседних балтийских и индоиранских языках. Если же древние славяне знали слово *зло* только во вторичном значении (‘злой, плохой’), тогда встает вопрос о древнем усвоении / заимствовании, скорее всего из иранских (скифского) языков, а использование слова *злой* как родового, общеоценочного может быть связано (при заимствовании) как раз с отсутствием у него связей с другими понятиями, с определенной однозначностью / терминологичностью. Но менялось культурно-идеологическое содержание последующих эпох, и к XV в. оппозиция *добрый – злой* перестроилась как *хороший – плохой*.

Литература

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958-1989. Т. 1-4.
- Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е издание, репринт. М., 1994. Т. 1-4.
- Дронова Л.П. Из истории слов общей оценки в славянских языках // III Славистические чтения памяти П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. С. 41- 43.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т.1-3.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф.П. Филин. М.; Л., 1965-.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973. Т. 1-4.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т.1-2.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков // Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974-.
- Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908-1913. Bd. I-II.
- EWD – Etymologisches Wörterbuch der Deutschen // W. Pfeifer etc. Berlin, 1993. Bd. I-II.
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22 Auflage. Berlin-New York, 1989.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Rey A.; Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Montreal, 1998.
- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971-.
- Stang Ch.S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972.